

DOI: 10.31857/S086904990014738-3

Оригинальная статья / Original Article

Внешние «вызовы» для российского пространства и формирование цивилизационного «ответа»

© В.И. СПИРИДОНОВА

Спиридонова Валерия Игоревна, Институт философии РАН (Москва, Россия),
vspirid@yandex.ru

В условиях однополярной гегемонии формулируются внешние угрозы для сохранения единства обширного и богатого ресурсами российского пространства. Они обусловлены, с одной стороны, культурно-историческими особенностями американского менталитета, среди которых концепции «отодвигаемого фронта», «ничейной земли» и экспансионистского мессианизма. Они сохранились как глубинные архетипы американского сознания и актуализируются в современном мире. С другой стороны, российское пространство после катастрофы 1990-х гг. остается «пустым» и «ничейным» с идейной точки зрения, так как не был выработан новый самостоятельный проект существования и общественного идеала. В этой ситуации импульсом для рождения новой идентичности может стать новое «геополитическое задание», которое формирует понимание России как метафизического «Севера» и опирается на концепт «Северной Евразии».

Ключевые слова: Российский цивилизационный проект, внешние угрозы, terra nullius, пространство, территория, геополитика, Северная Евразия

Цитирование: Спиридонова В.И. (2021) Внешние «вызовы» для российского пространства и формирование цивилизационного «ответа» // Общественные науки и современность. № 3. С. 19–29. DOI: 10.31857/S086904990014738-3

External «Challenges» for the Russian Space and the Formation of a Civilizational «Response»

© V. SPIRIDONOVA

Valeria I. Spiridonova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
vspirid@yandex.ru

Abstract: The unipolar hegemony leads to the formulation of external threats to the unity of the Russian territory. Those threats are caused, on the one hand, by the cultural and historical features of

the American mentality, such as the concepts of the «shifted frontier», «no man's land» and expansionist messianism. Those concepts have been preserved as archetypes of the American consciousness and they are being actualized in the modern world. On the other hand, after the catastrophe of the 1990s Russian territory remains «empty» and «no man's land» from the ideological point of view, since there is no new independent civilizational project of existence and social ideals. In this situation, developing of a new identity can become a new «geopolitical task». This task is based on the concept of «Northern Eurasia» and can be described as re-imagining Russia as a metaphysical «North».

Keywords: Russian civilizational project, external threats, terra nullius, territory, geopolitics, Northern Eurasia

Citation: Spiridonova V. External «Challenges» for the Russian Space and the Formation of a Civilizational «Response». *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 19–29. DOI: 10.31857/S086904990014738-3 (In Russ.)

Эпоха однополярной гегемонии – период нового, скрытого под личиной глобализма, передела мира в пользу его безальтернативного властелина. В рамках новой риторики США называют себя империей нового типа – «нетерриториальной империей». Под данным термином они имеют в виду перспективы, которые открывают технологии гибридных войн. Однако это вовсе не означает, что территориальный вопрос их не интересует. Особенно, когда дело касается их главного геополитического «экзистенциального врага». Еще в начале XX века В. Вильсон сказал, что «Россия является слишком большой и слишком монолитной страной. Необходимо сократить ее до размеров Среднерусской возвышенности... Мы должны иметь перед собой чистый лист бумаги» [Бенуа 2009, 463]. Уже тогда предлагалось одобрить программу постепенного расчленения страны с помощью череды территориальных самоопределений – начиная с Польши, Финляндии, Литвы и т.д.

В конце XX века появилась редкая возможность возобновить данную политику. Тогда З. Бжезинский предложил план создания на российской территории трех «свободных государств»: Европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной Республики [Бжезинский 1998]. Не менее откровенно об американских проектах в отношении России высказался в начале XXI столетия известный американский политолог Р. Пайпс: «Американцам нужна маленькая Россия... Думаю, Россия очень большая страна, и она не может управлять собой эффективно. Ей нужно стать меньше» [Шевченко 2015, 17].

Несмотря на то, что риторика в начале и в конце XX века совпадала, контекст и стратегические цели мировой политики в отношении России тогда и сейчас были совсем разными. Во времена Вильсона США делили мировую власть с крупнейшими европейскими державами, что могло привести к конкуренции между ними. После геополитической катастрофы распада СССР, с наступлением так называемого «однополярного момента», американская гегемония окончательно решила вопрос о власти над миром в свою пользу. Отныне стало ясно, что мировое сообщество должно было быть построено по образу и подобию своего нового и единственного лидера. При таком повороте событий важными становятся главные идеи и характерные особенности поведения, которые составляют социально-психологический портрет нового мирового гегемона, а также определяют способы, средства и итоги его воздействия на другие страны.

Цивилизационные факторы и социально-культурные особенности американского лидерства

Как отмечает К. Шмитт, само историческое вхождение Нового Света в мировую историю, которая до того момента была исключительно европейской историей, было сопряжено с невероятным открытием. Старый Свет понял, что «внезапно появившийся новый мир был

не новым врагом, а *свободным пространством*, свободным полем для европейской оккупации и экспансии» [Шмитт 2008, 75]. Это стало серьезным основанием для того, чтобы «права и свободы человека» превратились в исключительные права и свободу действий колонистов на вновь открытых территориях. Немецкий философ показывает на историческом материале, насколько легко и естественно первоначальная миссионерская деятельность по распространению христианства трансформируется сначала в правовое основание справедливой войны, а следом в право на оккупацию и аннексию территорий. Одновременно происходит очищение их от туземцев, которые расцениваются как варвары, нелегитимно владеющие землей, где они жили и вели хозяйство до пришествия европейцев. Такое восприятие «нового пространства» составило едва ли не «родовую травму» американского сознания, которое сохраняет ее отголоски вплоть до современности. Приведенные выше высказывания свидетельствуют о том, что США хотели бы видеть Россию не только раздробленным государством (или, как сказал один из современных американских президентов, «разорванной в клочья») но, к тому же, и «чистым листом бумаги».

Одним из истоков такого мышления, поведения и тактики можно считать концепцию «фронтира» – американское изобретение, которое сформулировал Ф.Дж. Тернер. Авторы в российской литературе образ американского фронта часто романтизируют, представляют его как зону свободы, колыбель национальных ценностей и «место свершения подвигов национальных героев». И в то же время, они отмечают, что одним из девизов американских фронтирных действий было знаменитое выражение: «хороший индеец – мертвый индеец» [Замятина 1998, 76]. Тем самым авторы признают главное – то, что приобретение новых территорий американцами было тесно сопряжено с принципом «пустой территории» или «чистого листа». Если принимать во внимание данный факт, то признание «фронтира» «воспитателем нравственных качеств» американского этноса выглядит несколько иначе.

Особенности освоения территорий Дикого Запада, несомненно, наложили долговременный отпечаток на американский характер. Ф.Дж. Тернер справедливо указывает, что американская нация сформировалась под влиянием идеалов первых поселенцев – школы «агрессивной смелости, господства, непосредственного поступка, разрушительных действий» [Тернер 2009, 229]. Он указывает, что изобилие «незанятых территорий» послужило фундаментом даже для основополагающего принципа существования Америки – демократии [Тернер 2009, 233]. Проживание на этих землях туземцев в расчет не принимали. Понятно, что такая интерпретация и «родовых» черт американца, и основного «кодекса чести» Нового Света – демократии – должна была оставить след на формировании принципов как внутренней политики, так и внешней.

Постоянно отодвигаемый фронт, сопряженный с принципом «очищаемой территории», стал одним из столпов американской политики в отношении других государств, которая стала знаковой в конце XX – начале XXI вв. Эта концепция прекрасно укладывается в «прогрессистскую» модель разделения стран по шкале «цивилизация – варварство». Данная модель обосновывает существование универсальной цивилизации как образца, который должны перенять все государства мира. Недаром Тернер называл «фронт» «местом контакта дикости и цивилизации» [Тернер 2009, 14]. Именно разделение на «цивилизованные государства» и «страны-изгои», или страны «с отклоняющимся поведением», лежит в основе современной американской внешней политики. Подобное разделение позволяет США менять «диктаторские» режимы по своему усмотрению, применяя любые методы.

Важно отметить еще одну особенность «фронтира» – подвижность. Присутствие потенциальной возможности передвигать границу освоенных и присвоенных земель привело к *значительному улучшению качества жизни большой массы американского населения*. Как указывает В. Согрин, «благодаря возможностям вхождения в ряды сельских собственников до 70% белых колонистов оказывались в среднем классе, а уровень их жизни уже тогда был в полтора-два раза выше, чем у англичан, которые, в свою очередь, преуспевали более,

чем жители Европы» [Согрин 2012, 30]. Как явление «фронтир» оставил заметный след в коллективном сознании несмотря на то, что на рубеже XIX–XX веков он «достиг своего естественного географического предела». Исследователь отмечает, что его «цивилизационное значение не было исчерпано, ибо он сохранился в качестве социокультурного архетипа в американской национальной ментальности» [Согрин 2012, 31]. Современные американцы считают естественным распространение американского влияния за пределы государственных границ, если оно отвечает их национальным интересам. Данные интересы в традиционном для США материалистическом и утилитаристском ключе направлены на получение выгоды и повышение уровня жизни собственного населения. Урон, который в подобных международных ситуациях наносится туземному населению, не считается препятствием. Особенно если предварительно происходит «расчеловечивание» такого населения, а завоевание, как и в случае с прежними «дикарями» – индейцами – происходит под девизом противостояния «цивилизации» «варварству», «демократии» «авторитаризму», «града на холме» «империи зла».

С концепцией постоянно отодвигаемого «фронтира» тесно увязан американский мессианизм. Первоначально он имел религиозные корни, но сегодня данный феномен приобретает откровенно экспансионистскую риторику. Так, Барак Обама в 2006 году написал: «...у нас в ДНК... отпечатано и стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому» [Обама 2008, 337]. Даже изоляционист в политике и бизнесмен по духу Д. Трамп в Обращении к нации в 2020 году апеллировал к тому же образу отодвигаемого «фронтира» как символу успешности американского народа. Речь шла всего лишь о финансировании космической марсианской программы, но Д. Трамп заявил: «Подтверждая наше наследие свободной нации, мы не должны забывать, что Америка всегда была рубежной землей. Теперь настало время двинуться к следующему рубежу, небесному предначертанию Америки» [Обращение 2020]. Своеобразный итог сказанному подводят М. Хардт и А. Негри, когда они утверждают, что американский народ – это «народ исхода, заселяющий пустые (или очищенные) новые территории» [Хардт, Негри 2004, 164]. И сегодня, заключают они, «мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронтира в открытое пространство имперского суверенитета» [Хардт, Негри 2004, 174].

Следует отметить еще один аспект идеи «фронтира». Дело в том, что «фронтиром» называли также границу между проданной и так называемой «ничейной» землей. «Ничейная земля» – еще одно понятие, которое пришло в XXI век из эпохи американских пионеров. Ф.Дж. Тернер ссылается на эпизод из американской истории, когда в апреле 1889 года произошло заселение индейских территорий путем «набега» на них белых поселенцев. Американские пионеры к тому времени обнаружили, что запас земель сокращается. «Вместо прежних широких возможностей, когда поселенец мог застолбить себе участок в любом месте, где бы он ни пожелал, теперь тысячи пионеров судорожно мчались по вновь открытым для освоения индейским резервациям» [Тернер 2009, 237]. Территории, населенные индейцами, и были названы «ничейными».

Термин помимо прочего, отсылает к древнеримскому понятию «ничейной земли» (*terra nullius*). Он переродился в современности и сыграл немалую роль в росте американских интересов в отношении иностранных территорий, в том числе и российских.

Terra nullius, или «ничейная земля»

Terra nullius, или «ничейная земля», – термин, восходящий к римскому праву, который активно использовали в эпоху колониальных завоеваний. В тот период под «ничейной землей» понимали малонаселенные земли или территории, населенные аборигенами. По европейским понятиям они не имели государственности и, соответственно, не обладали суверенитетом. На практике такое положение означало, что такая территория могла быть завоевана или присвоена любой европейской державой. Сентенция опиралась, в частности, на сформулированное

еще Г. Гроцием положение о том, что «нельзя считать занятым то место, которое не обрабатывается» [Гроций 1994, 211]. Более того, если посреди «территории, занятой народом, – пишет Г. Гроций, – имеется пустынная и бесплодная почва, то ее следует уступить пришельцам по их просьбе. Они даже могут ею просто овладеть...» [Гроций 1994, 211]. Другими словами, с точки зрения европоцентричной колониальной логики *terra nullius* требует установления новых отношений власти, которые соответствуют европейским правовым нормам.

В подобном европоцентричном дискурсе под понятие «ничейной земли» попадают плохо организованные пространства, которые служат потенциальным источником «общего блага», но используются неэффективно, тем самым нанося ущерб всему человечеству. На экологическую перспективу планетарного существования влияет сокращение сырьевых и водных ресурсов, лесных массивов. Отсюда возникает желание пересматривать статус территорий, богатых такими резервами. Неудивительно, что активно используется отсылка к той части теории общественного договора, которая обосновывает отказ от прав в пользу общего целого. Только вместо народа здесь апеллируют к человечеству. В данном контексте даже рассуждения Ж.-Ж. Руссо читаются по-новому. В главе «О владении» французский философ пишет: «Каким образом один человек или целый народ могут овладеть огромной территорией и лишить возможности пользоваться ею весь род человеческий иначе, как путем достойной наказания узурпации, раз узурпация эта отнимает у других людей и местопребывание и пищу, предоставленные природой сообща всему человечеству?» [Руссо 1938, 19] Переосмысление таких пассажей легитимизирует «изъятие» природных ресурсов в пользу центров мировой власти под предлогом более качественного управления ими.

Очевидно, что многочисленные инвективы в отношении России и ее огромных потенциально богатых пространств (например, Сибири) связаны с подобными проблемами. Они вызывают стремление свести такие территории к статусу локковской «чистой доски» или, используя более позднюю терминологию, описать их как «нулевое означаемое», чтобы потом наполнить их собственными смыслами и установить в таких «лакунах власти» приемлемые для себя отношения господства.

Усовершенствованные современные рассуждения интерпретируют *terra nullius* как «пустое пространство», которое следует наполнить новыми значениями. Именно поэтому идет активная борьба с традициями и историческим наследием, которые не позволяют определить пространство как «пустое» в идейном плане. Встраивание подобной территории «в европоцентричный порядок предполагает «обнуление» исторического времени, в котором она существовала до сих пор» [Балаклеец 2015, 41]. Как пишет Н.А. Балаклеец, в современном мире конфликты такого рода переносят в информационное поле, в рамках которого конструируют новый дискурс для захвата предполагаемого «ничейного пространства». Поэтому для того, чтобы удержать пространство, необходимо конструировать его знаковую идентичность, не допустить «идейно» пустое пространство, лишенное общественного идеала или проекта существования.

Этот момент очень важен для понимания той рискованной ситуации, в которой оказалась современная Россия. Россия будет оставаться «пустым пространством», пока не произойдет самоидентификации нового состояния российской действительности, пока не появится новый проект ее цивилизационного развития, пока не будет сформулирован новый общественный идеал. Однако история показывает, что пустое с идейной точки зрения пространство воспринимают извне как «ничейное», которое ждет своего завоевателя.

Российская история свидетельствует: в те эпохи, когда государство российское стояло крепко, его сила всегда была сопряжена с определенной задачей, миссией или проектом – в Святой Руси православной идеей «спасения» в лоне истинной веры. Ее первейшей задачей было собирание земель и народов, чтобы защитить человечество от пришествия антихриста, оттягивая наступление конца. Российское пространство не только не было «ничейным» или «пустым», напротив, оно пребывало под напряженным током идеи, сформировав осо-

бый тип служения – «старчество». Отголоски его позднее были тесно связаны с особыми реликтовыми топосами, сохранявшими и воспроизводящими бытие этой идеи, – «пустынями».

Петровский период прошел под знаменем освоения нового проекта – имперского. Государь с пылом взялся за устройство нового будущего России, но он грешил стремлением копировать европейский образец. Из-за данной особенности российское пространство не завершило процесс самоидентификации и оказалось «подпространством» Европы, периферией европейской цивилизации. Отсюда и возникло двойственное отношение к петровским преобразованиям со стороны потомков, которое раскололо страну на «западников» и «почвенников».

Советский проект был вдохновлен поистине новаторской идеей – грандиозным системным проектом антикапитализма. Социализм – по крайней мере, в своем романтическом изводе – претендовал на планетарную миссию. Он был устремлен, по выражению В. Хлебникова, на создание новой «республики Земшара», призванной превратить мировую гармонию в реальность.

Современная растерянность России связана с отсутствием нового самостоятельного проекта бытия страны и народа. Как предполагал Н.С. Трубецкой, в такой ситуации первоисточником обретения онтологического замысла может послужить созвучное времени «геополитическое задание», рожденное самим российским пространством и его территориальным импульсом, как не раз бывало в истории государства.

Идентичность, рожденная территорией

Нельзя отрицать взаимозависимость между исторической судьбой нации и спецификой той территории, которую она занимает. Давление географической среды формирует отличительные черты национального характера, обусловленные особенностями «месторазвития». С другой стороны, национальная телесность воспринимает и оценивает потенции территории, ее сильные точки роста, и стремится использовать их, исходя из вызовов времени. Логика этого движения сформулировал Н.С. Трубецкой, который писал: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории» [Трубецкой 2019, 16].

В этом отношении следует указать на то, что России приходилось неоднократно менять онтологический вектор своего развития. «Географическое задание» Киевской Руси, которая занимала лишь западную часть ставшей позднее российской территории, определяла меридиональная ось от Балтийского моря до Черного, по которой проходил торговый путь «из варяг в греки». Вокруг этого направления выстраивалась успешная торгово-экономическая политика и процветание удельных княжеств до тех пор, пока набеги кочевников не остановили рост их могущества и не подорвали эффективность соответствующего политико-экономического устройства.

Уже на следующем этапе развития русского государства – в эпоху Московского царства – стала перспективной горизонтальная ось развития Восток-Запад. Россия попеременно меняла ориентацию, но данная ось все равно оставалась актуальной долгий период времени. Первоначально Иван IV пытался расширить свое влияние, проводя западную ориентацию политики государства, но неудачи Ливонских войн показали бесплодность его устремлений. Восточное территориальное расширение оказалось более успешным. В результате приобретения Казанского царства и освоения Сибири Московское царство укрепило свою государственность на длительное время. «Московские цари, далеко не закончив еще «собирания Русской земли», стали собирать земли западного улуса Великой Монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири», пишет Н.С. Трубецкой [Трубецкой 2019, 196]. В итоге, политическая стратегия Ивана Грозного, выработанная методом проб и ошибок, подтвердила масштабные кумулятивные результаты действий России именно в восточном направлении.

Однако расширение территории с большой протяженностью с запада на восток ставило неведомые доселе задачи перед государственным строительством, которое требует устойчивой связности бескрайнего пространства. Исторически сложилось, что локальные цивилизации складывались вокруг речных систем, но в географическом пространстве России такая привязка могла создать только разделенные обособленные уделы, так как все речные бассейны имели меридиональную протяженность. Связывала их только система степей, пересекающая все без исключения большие реки. Именно контроль над степью был положен в основание Монгольской государственной идеи, которая естественно объединяла пространство Евразии. «Программа» такой организации пространства пришла из монархической туранской идеи степного государства Чингисхана. Как показывает Н.С. Трубецкой, матрица Монгольской государственности в процессе исторической адаптации получила христианское религиозное освящение и идеологически связалась с византийскими традициями. Так что, «видеть в туранском влиянии только отрицательные черты», считает он, «неблагодарно и недобросовестно» [Трубецкой 2019, 199].

Туранская психика, по словам русского философа, обладает набором черт, которые прежде всего акцентируют важность культурно-исторической преемственности жизни нации во враждебном окружении. Она помогает достичь устойчивости развития, а также вырабатывает мощь национального характера, одновременно способствуя экономии национальных сил. «Прививка к русской психике характерных туранских черт сделала русских тем прочным материалом государственного строительства, который позволил Московской Руси стать одной из обширнейших держав», отмечает Н.С. Трубецкой [Трубецкой 2019, 198]. Россия вышла из исторического испытания Монгольским игом в виде крепко спящего внутренней духовной дисциплиной государства.

Связка Восток-Запад была для России очередным геополитическим заданием, которое она неотступно выполняла вплоть до начала XXI века. После крушения Советской системы перед страной встала проблема очередного воссоздания идентичности, для чего необходима была новая материальная точка отсчета. К настоящему времени, все явственнее проступает «геополитическое задание», соответствующее вызовам XXI столетия – русский Север, Арктика.

Русская идея как «Север»

«Востоко-западный» вектор развития на определенном историческом этапе был прогрессивен. Тем не менее после распада СССР и до настоящего времени Евразийская идея не была реализована в его рамках как консолидирующая парадигма существования. Дело не только в извечном споре между западниками и почвенниками. Акцент, который переносится на «европейскость» или на «азиатскость» и делает из России то «вторую Европу», то «Азиопу», мешает гармоничному решению вопроса. Принимая во внимание особую важность поиска «опорной точки» месторазвития страны в текущую переломную эпоху и осознавая значимость «геополитического задания», следует признать, что сегодня такое «задание» формируется через привязку к новому геополитическому центру России – к реализации ее цивилизационного и исторического призвания как приарктической державы.

Об особой значимости для страны Северного Ледовитого океана провидчески писал Д.И. Менделеев в своих трудах «К познанию России» и «Заветные мысли». Одной из задач, которые ставил перед собой русский ученый, было определение «центра России», в том числе топографического. Его расчеты показали, что «центр поверхности всей России располагается между Обью и Енисеем в Енисейской губернии, немного южнее города Туруханска, лежащего вблизи от Северного полярного круга... Столь северное положение центра поверхности России определяется тем, что у нас чересчур много берегов Ледовитого океана» [Менделеев 2002, 177].

Однако что такое центр? Это – место оптимума как поиска исторической устойчивости российского пространства. Расположение такого центра меняется при трансформации государственной территории, что и произошло со страной в начале XXI века после развала СССР. Смысл вычленения такого центра состоит в том, что он позволяет увидеть связи, которые скрепляют телесность. Поиск данных связей – одна из важнейших проблем России сейчас. Такой центр подобен центру тяжести, указывает Д.И. Менделеев, а центр тяжести позволяет удерживать в равновесии все тело при любом относительном положении его частей. Русский исследователь указывал на большие перспективы, которые таит в себе Северный океан, связывая их с предполагаемым богатством природных ресурсов региона, а также с развитием коммерческого судоходства в будущем. «У России так много берегов Ледовитого океана, – писал он, – что нашу страну справедливо считают лежащей на берегу этого океана. Мои личные пожелания в этом отношении сводятся к тому, чтобы мы этим воспользовались как можно полнее и поскорее» [Менделеев 2002, 44].

Указание Д.И. Менделеева выглядит не просто пророческим. Подобно гениальному открытию пустот в его знаменитой таблице, которые указывали на наличие неизвестных науке элементов, он определил место, которое в то время выглядело совершенно незначительным для хозяйственного и тем более политического развития страны. Сейчас его указание может стать решающим и выступить в роли нового «геополитического задания» России, которое должно дать спасительный импульс для ее возрождения в XXI веке через столетие после того, как великий ученый высказал свою идею.

Укорененность идеи «России как Севера» в российском культурно-цивилизационном пространстве исследовал А.А. Кара-Мурза. «...Идея «северянства», как самобытного образа русской идентичности, начинает кристаллизироваться сначала в придворной поэзии, а затем и в державной идеологии», – пишет он [Кара-Мурза 2017, 123]. «Русское северянство», отмечает исследователь, зародилось как полуофициальная доктрина в сочинениях самой императрицы Екатерины Великой и ее ближайшего сотрудника, графа Никиты Ивановича Панина [Кара-Мурза, Шарова 2021]. В дальнейшем концепция гармонично вписалась в «Историю государства российского» Н.М. Карамзина, а также получила отклик в поэзии Г.Р. Державина, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига, А.С. Пушкина, в произведениях И.С. Тургенева, а позднее и поэтов «Серебряного века».

Перенесение столицы империи в Петербург, на берега северного Балтийского моря, еще более упрочили идею. Данные образы России откликались в европейском восприятии нашей страны, в именовании всего русского с использованием вариаций лексемы «север». Широко известны обозначения Санкт-Петербурга как «Северной Пальмиры» и «Северной Венеции», а русскую императрицу Елизавету Петровну, а затем и Екатерину II представители элиты называли «Северной Семирамидой».

А.А. Кара-Мурза показывает, что русское литературно-культурное «северянство» не ограничивается географической топонимикой, а имеет глубокие философские и цивилизационные основания, выполняя задачу противостояния метафизического «Севера» всему метафизическому «Югу».

«Идентификационная матрица» «русского северянства», по замечанию А.А. Кара-Мурзы, была отодвинута на дальний план только в середине XIX века, с началом классического русского противостояния «славянофилов» и «западников». Одновременно поиски русской идентичности переориентировались на ось Запад-Восток. Идея «Севера» в итоге так и не получила своего завершения. Тогда дилемма «западно-восточного» «геополитического задания» только разворачивалась в полную силу. Она шла к своему пику – советскому периоду эволюции. Направленность этого горизонтального топографического вектора менялась с переменным успехом, пока данная парадигма не обрушилась в конце XX столетия. Начало XXI века показало лишь имитационные остатки такого развития.

После катастрофы 1990-х годов наступила эра идеологической пустоты и растерянности. Как и во все «смутные времена», в стране стала господствовать идейная эклектика. Не были предприняты какие-либо попытки по выработке общественного идеала или некоего самостоятельного проекта развития. Ситуация стала постепенно меняться в начале XXI века, особенно в последние десятилетия, когда Россия заявила о суверенной политике государства, о необходимости аутентичного цивилизационного проекта. Одновременно проявился новый глобальный планетарный «вызов» – освоение Арктики. Для России он оказался «родным», но «отложенным». Данный вызов был латентным «геополитическим заданием», которое потенциально присутствовало в коллективном бессознательном, ожидая своего часа. Так лишний раз нашла подтверждение мысль А.А. Кара-Мурзы о том, что «цивилизационный пласт лежит много глубже государственного суверенитета» [Кара-Мурза, Шарова 2021]. Цивилизационные основания нации неистребимы. Они могут находиться в подавленном состоянии или быть внешне вытеснены иллюзиями, «обманами и туманами» или более агрессивными цивилизационными образами, как случилось с искушением слепого подражания Европе («европейничанья»). Однако связка категорий суверенитет-цивилизационная матрица обязательно предшествует выходу из смутных времен. Суверенитет обеспечивает условия для того, чтобы могли сработать механизмы цивилизационной преемственности, особенно в условиях характерного для России типа развития «преемственность через катастрофу».

Из-за климатических изменений «Север» на самом деле превращается в большую идентификационную идею, а Арктическое геополитическое задание представляет собой часть этой идеи. Арктический океан становится, как выражаются западные эксперты, «частью большой политической игры XXI века» [Pasquier 2021, 107].

Согласно данным доклада Межправительственной группы по изменению климата 2019 года, глобальное потепление в Арктической зоне в два-три раза превышает средний уровень по планете. При таких темпах Северный морской путь может почти полностью освободиться от льда к 2040–2050 годам. Таким образом Северный Ледовитый океан, ранее непроходимый барьер, станет мостом между Азией и Западом. Крупные нефтяные и горнодобывающие транснациональные корпорации уже проводят разведку крупных месторождений природного газа и черного золота на континентальном шельфе. Предполагается, что в Арктике находится 30% восстановимых запасов природного газа и 13% запасов нефти [Pasquier 2021, 107–108]. Как утверждают западные эксперты, «морская магистраль протяженностью 6000 км между портом Мурманска на Западе и Беринговым проливом на востоке должна стать одним из двигателей экономического роста России на ближайшие десять лет» [Pasquier 2021, 109].

Предвиденное Д.И. Менделеевым особое значение Северного океана для будущих стратегий России превращается в реальность. «Север» становится новой, самостоятельной точкой опоры российской цивилизационной матрицы – Северной Евразии. Это направление позволит преодолеть ставший за последние столетия едва ли не неразрешимым дуализм Запад-Восток с его длительной идеологической и политико-философской историей.

Заключение

Концепт нового метагеографического образа России как Северной Евразии позволит преодолеть вечную раздвоенность между Западом и Востоком. Приняв его, Россия сможет одинаково дистанцироваться как от вторичного «европейничания», так и от «азиатчины». Привлекательность Северного вектора усиливается тем фактом, что он сопряжен с прямым выходом России к большому морскому пространству. Исторически получение такого выхода приводит к подъему и росту локальных цивилизаций. Арктика и ее освоение

сегодня могут превратиться в тот мобилизационный импульс, который так необходим для российского цивилизационного проекта. Ледовитый океан, единственный из всех водных макространств, принадлежит России «по праву первородства». Его геополитический смысл может стать опорой для построения Россией собственной цивилизационной идентичности. «Русский Север», или «Северная Евразия» могут и должны стать таким же политическим и цивилизационным метаобразом, каким стал «атлантизм» для восхождения и оформления европейско-американской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балаклеец Н.А. (2015) Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. № 396. С. 38–42.
- Бенуа А. Де (2009) Против либерализма к четвертой политической теории. М.: Амфора. 490 с.
- Бжезинский З. (1998) Шахматная доска. М.: «Международные отношения».
- Гроций Г. (1994) О праве войны и мира. М.: Ладомир.
- Замятина Н.Ю. (1998) Зона освоения (фронт) и ее место в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. № 5. С. 75–89.
- Кара-Мурза А.А. (2017) Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. № 8. С. 121–134.
- Кара-Мурза А.А., Шарова В.Л. (2021) «Новая российская цивилизация будет цивилизацией Пушкина» (к вопросу о «цивилизационном выборе») // Полилог. № 1. Том 5 (<https://polylogos-journal.ru/S258770110014153-0-1>).
- Менделеев Д.И. (2002) К познанию России. М.: Айрис Пресс.
- Обама Б. (2008) Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика».
- Обращение Трампа к нации (2020) Universe-tss. 06.02.2020 // <https://universe-tss.su/main/politika/world/76841-obraschenie-trampa-k-nacii-2020-polnyj-tekst.html>.
- Руссо Ж.-Ж. (1938) Об общественном договоре. Принципы политического права. М.: Государственное социально-политическое издательство.
- Согрин В.В. (2012) Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // Новая и новейшая история. № 1. С. 25–43.
- Тернер Ф. Дж. (2009) Фронт в американской истории. М.: Весь мир.
- Трубецкой Н.С. (2009) Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. М.: Эксмо. С. 15–88.
- Трубецкой Н.С. (2009) К проблеме русского самосознания // Наследие Чингисхана. М.: Эксмо. С. 141–248.
- Хардт М., Негри А. (2004) Империя. М.: Праксис.
- Шевченко В.Н. (2015) Проблема целостности современной России как философско-методологическая проблема // Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально-философские аспекты. М.: ИФРАН. С. 11–44.
- Шмитт К. (2008) Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль.
- Pasquier D. (2021) Dans l'océan arctique, la Russie ne perd pas le Nord // Revue de Défense Nationale. № 3. pp. 107–114.

REFERENCES

- Balakleecz N.A. (2015) Terra nullius i otnosheniya vlasti v social`nom prostranstve [Terra nullius and power relations in social space] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 396. pp. 38–42.
- Benua A. De (2009) *Protiv liberalizma k chetvertoi politicheskoy teorii*. [Against liberalism to the fourth political theory] Moscow: Amfora.
- Bzhezinskij Z. (1998) *Shaxmatnaya doska* [Chess board]. Moscow: «Mezhdunarodny'e otnosheniya».
- Grocij G. (1994) *O prave vojny` i mira*. [On the law of war and peace]. Moscow: Ladomir.

Kara-Murza A.A. (2017) Rossiya kak «Sever». Metamorfozy` nacional`noj identichnosti v XVIII–XIX vv.: G.R. Derzhavin [Russia as the «North». Metamorphoses of national identity in the XVIII–XIX centuries: G. R. Derzhavin] // *Filosofskie nauki*. № 8. S. 121–134.

Kara-Murza A.A., Sharova V.L. (2021) «Novaya rossijskaya civilizaciya budet civilizaciej Pushkina» (k voprosu o «civilizacionnom vy`bore») [«The new Russian civilization will be the Pushkin civilization» (on the question of «civilizational choice»)] // *Polilog*. № 1. Tom 5. (<https://polylogos-journal.ru/S258770110014153-0-1>).

Mendelev D.I. (2002) *K poznaniyu Rossii* [Towards the knowledge of Russia]. Moscow: Ajris Press.

Obama B. (2008) *Derzost` nadezhdy`. My`сли o vozrozhdenii amerikanskoj mechty`* [The audacity of hope. Thoughts on reviving the American dream] Spb.: Izdatel`skij Dom «Azbuka-klassika».

Obrashhenie Trampa k nacji [Trump's address to the Nation] (2020) Universe-tss. 06.02.2020. (<https://universe-tss.su/main/politika/world/76841-obraschenie-trampa-k-nacii-2020-polnyj-tekst.html>).

Pasquier D. (2021) Dans l'océan arctique, la Russie ne perd pas le Nord // *Revue de Défense Nationale*. № 3. pp. 107–114.

Russo Zh.-Zh. (1938) *Ob obshhestvennom dogovore. Principy` politicheskogo prava* [About the social contract. Principles of political law] Moscow: Gosudarstvennoe social`no-politicheskoe izdatel`stvo.

Shevchenko V.N. (2015) Problema celostnosti sovremennoj Rossii kak filosofsko-metodologicheskaya problema [The problem of the integrity of modern Russia as a philosophical and methodological problem] // *Integracionny`e i dezintegracionny`e processy` v istorii rossijskogo gosudarstva: social`no-filosofskie aspekty`*. M.: IFRAN. pp. 11–44.

Shmitt K. (2008) *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the earth in the law of peoples jus publicum europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir Dal`.

Sogrin V.V. (2012) Civilizacionnoe i mezhdisciplinarnoe izuchenie istorii SSHA [Civilizational and interdisciplinary study of U.S. history] // *Novaya i novejschaya istoriya*. № 1. S. 25–43.

Terner F. Dzh. (2009) *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American history]. Moscow: Ves` mir.

Trubeczkoj N.S. (2019) K probleme russkogo samosoznaniya [On the problem of Russian identity]. *Nasledie Chingisxana* [The legacy of Genghis Khan]. Moscow: E`ksmo. pp. 141–248.

Trubeczkoj N.S. (2019) Vzgljad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [A look at Russian history not from the West, but from the East] // *Nasledie Chingisxana* [The legacy of Genghis Khan]. Moscow: E`ksmo. 2019. pp. 15–88.

Xardt M., Negri A. (2009) *Imperiya* [The Empire]. Moscow: Praksis.

Zamyatina N.Yu. (1998) Zona osvoeniya (frontir) i ee mesto v amerikanskoj i russkoj kul`turax [Development zone (The Frontier) and its place in American and Russian cultures] // *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*. № 5. S. 75–89.

Информация об авторе

Спиридонова Валерия Игоревна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора Философских проблем политики. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр. 1. E-mail: vspsirid@yandex.ru

About the author

Valeria I. Spiridonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Research Fellow, Head of the Department of Philosophical Problems of Politics. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 14/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: vspsirid@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 21.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 19.05.2021